

УДК 177.61

А.М. ШАТАЛОВИЧ

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ: МЕЖДУ ЭРОСОМ И АГАПЕ

Шаталович Александр Михайлович – доцент кафедры философии Национальной металлургической академии Украины, кандидат философских наук, доцент

У статті на прикладі творів А. Нігрена, С. Заріна, Д. Гільдебранда проаналізовано відмінності філософії любові в західній та східній християнських традиціях.

Ключові слова: філософія любові, агапе, ерос, християнство.

В статье на примере работ А. Нигрена, С. Зарина, Д. Гильдебранда проанализированы отличия философии любви в западной и восточной христианских традициях.

Ключевые слова: философия любви, агапе, эрос, христианство.

In article on an example of creativity of A. Nygren, S.Zarin, D. Hildebrandt differences of philosophy of love in the western and east Christian traditions are analysed.

Keywords: love philosophy, Agape, Eros, Christianity.

© А.М. Шаталович, 2012

Постановка проблеми. Дихотомія феномена любові на любовь-ерос і любовь-агапе нередко зустрічається в дослідницькій літературі. Причём в історико-філософській ретроспективі християнську традицію почему-то зачастую зв'язують лише со становленням любові-агапе. Так, к примеру, В. Жулай утверждає в своєму дослідженні про: «Цілковите отожднення багатомірного феномена любові з агапе, яке переважало за середньовіччя» [8, с.13]. С однієї сторони, подібну позицію можна пояснити тим, що любовь-ерос носить нехристиянський характер. Не випадково навіть сам термін ерос повністю ігнорується в Новому Заповіті на фоні гімна апостола Павла, посвяченого любові-агапе (1Кор. 13). С другої сторони, в трудах більшого числа християнських мислителів і отців Церкви (Ориген, Григорій Нисський, Іоанн Златоуст, Діонісій Ареопажит, Іоанн Лествичник, Максим Исповедник, Іоанн Скот Ериугена, Симеон Новий Богослов, Григорій Палама, Ніколай Кавасила) зустрічається чітко виражена концепція ероса, переосмисленого в рамках християнського світогляду.

Спорний питання про співвідношенні ідей ероса і агапе в християнському ученні о любові був актуалізований в ХХ столітті і мав протилежні варіанти рішення в кожній з християнських конфесій. Так, в фундаментальному дослідженні аскетички професора Петроградської Духовної Академії С. Заріна [9] представлений аналіз східно-християнського розуміння співвідношенні ідей ероса і агапе, із якого слідует висновок об етико-сотириологічеській значимості любові-ероса, що стноду не умаляет фундаментальної важності любові-агапе. Аналогічну позицію заняв і католицький філософ-феноменолог професор Дітріх фон Гільдебранд [5]. Радикально протилежна точка зору была высказана протестантськими мислителями ХХ століття, с точки зору яких лише жертвенная, жалостливая любовь-агапе может иметь статус християнської. Так, в дослідженні протестантського єпископа і богослова

Андерса Нігрена [14] ерос і агапе сопоставляються як два полярних мотива (лейтмотива) відповідно античності і християнства, которые не имеют ничего общего в своей сути, но в исторической реальности християнської патристики были смешаны и искажены [14, с. 667,678].

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Заметим, что в научной литературе точки зрения трех христианских традиций (православия, католицизма и протестантизма) на проблему соотношения идей эроса и агапе недостаточно сопоставлены, несмотря на многочисленность исследований по философии любви, в числе которых отметим работы А.Абрамова, Р.Апресяна, И.Брылиной, В.Бычкова, Д.Васильева, В.Вершины, Г.Гачева, В.Жулай, А.Козырева, А.Косарева, Е.Луценко, В.Малахова, О.Птицыной, А.Рубениса, Ю.Рюрикова, С.Семеновой, А.Чанышева, В.Шестакова; а также иностранные исследователи – В.Бойтин, П.Динцельбахер, Г.Ламп, К.Осборн, Дж.Рист, Д.Ружмон, А.Собл, Б.Файхтингер, Х.Ян-нарас. Поэтому цель данной работы – сопоставить точки зрения трех христианских традиций на проблему соотношения эроса и агапе. Данное сопоставление, учитывая ограниченные объемы статьи, проведем на примерах работ А.Нигрена, С.Зарина и Д.Гильдебранда.

В содержании любви-ероса А.Нигрен выделяет три основных значения. Во-первых, эрос есть «любовь желания» или «жадная любовь», которая стремится только к тому, чего у него нет, и что ему нужно, к тому, что представляет для него ценность. Как обращает внимание мыслитель, без потребности не было бы и эроса, эрос заканчивается с обладанием, богатый эрос противоречит самому себе. Во-вторых, эрос – путь человека к Божественному. В-третьих, эрос – эгоцентрическая любовь [14, с. 175-176]. С. Зарин подчеркивает следующие свойства эроса: пылкость, необыкновенная стремительность, восторженность [9, с. 374]. Д.Гильдебранд говорит об эросе как о всех естественных видах любви с их свойствами [5, с.466].

Изложение основного материала исследования. В содержании любви-агапе С. Зарин выделяет бескорыстие, безграничное самопожертвование, безусловное самоотречение. Там, где в Библии говорится о любви к врагам, постоянно встречается именно термин агапе, но никогда, к примеру, не встречается филия (любовь-дружба, симпатия) [9, с. 371-372]. Любовь к врагам на светской почве известна лишь как порыв, как «нездешнее дуновение» [13, с. 406].

Поэтому христианская любовь к ближнему, как обращает внимание Д. Гильдебранд, с необходимостью предполагает любовь к Богу, в то время как для естественной любви она не требуется [5, с.404]. А. Нигрена подчеркивает, что любовь-агапе является совершенно новым «изобретением» христианства, его «центром», его «собственной, оригинальной, основной концепцией», без которой «ничто христианское таковым бы не являлось» [14, с. 48]. Действительно, высота принесенного христианством идеала любви-агапе раскрывается только в Новом, а не в Ветхом Завете. Хотя Христос не приводит новой формулировки заповедей о любви, но Он наполняет их новым содержанием. Так, к примеру, если ближний в Ветхом Завете – это, прежде всего израильтянин, то в Новом Завете заповедь о любви к ближнему распространяется на всех людей.

Противопоставление идей эроса и агапе встречается у каждого из анализируемых мыслителей, но в разной степени. Так, в этическом аспекте С. Зарин подчеркивает смысловую связь сокоренного эросу глагола *εραω* с понятиями вожделения и сладострастия, что мало соответствует нравственному характеру библейской любви, а потому как глагол *εραω*, так и существительное *ερος* редко встречаются в Ветхом Завете и ни разу в Новом Завете [9, с. 372]. Д. Гильдебранд пишет о громадном превосходстве агапе по сравнению с эросом, которое проявляется в теологическом отношении и которое дает нам право противопоставить христианскую любовь к ближнему как сверхъестественную – эросу как естественной любви [5, с.401]. Но у протестантских мыслителей идеи агапе и эроса разделены непреходимым барьером и соотносятся как высшее и низшее. А. Нигрен предлагает структуру соотношения идей эроса и агапе, состоящую из четырех ступеней: Божьей любви, любви к ближним, любви к Богу и самолюбия [14, с. 219]. Максимум любви-агапе в данной структуре содержится в Божьей любви, далее по нисходящей она проявляется в любви к ближним, и имеет ноль в самолюбии. И наоборот, максимум любви-эроса – в самолюбии, затем в любви к Богу, и соответственно ноль в Божьей любви. Таким образом, А. Нигрен абсолютизирует идею агапе, отождествляет ее с идеей любви, что является одним из наиболее спорных положений в его исследовании.

А. Нигрен считает агапе самодостаточной идеей любви в христианстве и отождествляет ее с сущностью Бога [14, с. 151]. С. Зарин напротив считает, что невозможно отождествить Божью глубину только с идеей агапе, даже ссылаясь на прямую формулу апостола Иоанна: Бог есть агапе (*ο Θεος*

αγαπη εστιν) (1Иоан.4:8). Как отмечает С. Зарин, апостол Иоанн употребляет не одно, а три наименования Бога: Дух (Иоан.4:24), Свет (1Иоан. 1:5), Любовь (1Иоан.4:8), желая «оттенить» в Божеском существе только одну из наиболее характерных его черт. С. Зарин подчеркивает несостоятельность типичного протестантского учения ричлианства, которое полагает существо Божье исключительно в любви-агапе, вполне исчерпывающим содержание Божественного существа [9, с. 402]. Критикуя данную позицию, мыслитель придерживается восточно-христианской традиции апофатического богословия, согласно которому любое определение Бога является недостаточным. В Библии свыше 60 имен Божьих, Агапе – одно из них, которое по слову Григория Богослова благоугоднее Богу всякого другого имени [9, с. 402], но, тем не менее, данное имя не выражает собой вполне и безусловно самого существа Божьего и всей глубины Божьей любви. Это обстоятельство вызывает необходимость употребления всей полноты языка для выражения сути Божьей любви. Так, и в Священном Писании любовь Божья не выражена одним только агапе, но встречается также и филия, а у апостола Павла (воспевающего гимн любви-агапе) используется также и *στοργη* (Рим. 1:31). И хотя в Новом Завете термин эрос не встречается, но зато есть имеющие не менее страстную семантику термины *επιφωμια* (эпифимия) и *λοφος* (пофос). Поэтому даже терминологическую особенность употребления агапе не стоит преувеличивать (достаточно аргументированную критику взглядов А.Нигрена по этому вопросу приводит К.Осборн [15]). То есть для передачи полноты христианской любви потребовалась полнота греческого языка. К примеру, Иоанн Златоуст использует всю четверицу греческих терминов (эрос, филия, агапе, *στοργη*) для описания тех или иных нюансов феномена любви.

Вторым спорным положением концепции А.Нигрена является попытка объяснить любовь к Богу посредством агапе. Если определение эроса в античности и христианскую идею «нисходящей» любви-агапе А.Нигрен уверенно аргументирует, то в обосновании любви-агапе человека к Богу его аргументы расплывчаты. По мнению А.Нигрена, агапе является спонтанной, немотивированной любовью. Но в отношении Бога, любовь человека никогда не может быть спонтанной и немотивированной. Божья любовь всегда приходит первой и в ответ пробуждает любовь человека. Это, по мнению А.Нигрена, и объясняет то удивительное умалчивание, которое можно отметить у апостола Павла относительно любви-агапе человека к Богу. Любовь человека к Богу является лишь его ответом на любовь Бога к нему. То есть Бог, по мнению А.Нигрена, «настигает человека» и «переполняет его своей любовью», а у человека не остается выбора, его любовь к Богу не мотивирована. Н. Бердяев по поводу этой концепции у А.Нигрена отмечает: «Непонятно, как может быть любовь-агапе у человека, она делается как бы привилегией Бога» [3, с. 319].

Критикуя использование идеи эроса для описания любви к Богу в патристике, А.Нигрен в то же время не может через идею агапе обосновать

феномен любви к Богу. В результате любовь к Богу у А. Нигрена как бы повисает в терминологическом вакууме: «эрос» неправилен в корне для описания такой любви, а «агапе» также не подходит. А. Нигрен даже склоняется заменить высказывание «любовь человека к Богу» словами синонимами. «Мы, следовательно, заметили определенное нежелание говорить о любви к Богу. Самоотдача любви выражена не словом Агапе, а другими словами, такими словами, которые недвусмысленно выявляют ее суть как ответ на Божественную любовь» [14, с. 218].

В данных рассуждениях А. Нигрена представлен типичный протестантский подход к спасению только благодатью, связанный с отсутствием сотрудничества, синергии человека и Бога, доходящий до кальвиновского предопределения и лишения человека выбора и свободной воли.

Идею сотрудничества, синергии Бога и человека сохраняет православная и католическая традиции, что отражается и на их учениях о любви. Самое существо любви как таковой, по утверждению Д. Гильдебранда, коренится одновременно в эросе и агапе, поэтому совершенно ошибочно их противопоставление. Мы имеем дело с важным различием, но не с противоположностью. Любовь-агапе позволяет достичь другим типам любви своей специфической категориальной полноты, но не исключает их. Аналогично и в супружеской любви. Брак, по мнению мыслителя, не может быть построен только на самопожертвовании (другими словами любви-агапе). Стремление к браку ради обоюдного счастья не умаляет любви [5, с. 234-235, 465-467].

В православной традиции, непосредственно оперирующей полнотой греческого языка, С. Зарин обращает особенное внимание на святоотеческий термин *ερωτι της αγαπης*, передающий сложную многогранную связку идей эроса и агапе, что лишь примерно можно перевести как напряженная любовь или пламенная любовь [9, с. 373].

Обратим внимание на то, что античной традиции, из которой концепция эроса берет свои истоки, это парадоксальное пересечение образов эроса и агапе было неизвестно. Античная идея агапе не имеет вовсе того значения, какое оно обрело в христианстве. Античности хорошо была известна идея эроса-страсти или разумно-рассудочной агапе [11, с. 589], христианство же принесло идеал агапе-смирения, которым оно смягчает и умиротворяет эрос. Сочетание образов эроса и агапе весьма показательно. Хорошо высказывает данную мысль А. Сидоров: «...преображенный античный «эрос», с его мужественной стремительностью, органично дополняет женственную нежность, кротость ветхозаветной «агапы»» [12, с. 268].

Подобное сочетание идей эроса и агапе встречается и у других отцов Церкви как в прямой терминологической, так и образной формах. Например, Григорий Нисский в толковании «Песни песней Соломона» пишет о сочетании кипра с нардом и горечи с медом [6, с. 245, 265], что вполне можно трактовать и как сочетание идей эроса и агапе. То есть в «эрос» надо внести «агапе» и получится сочетание горячительного (кипр-эрос) и благово-

го (нард-агапе), потому что одна только горячность (кипр-эрос) бывает зловонным воспалением. Как известно, еще с античности образ эроса сопоставим с горьким зельем. Эрос = страдание = горечь. Агапе же – это приправа, мед. Мед символичен как продукт, который не разрушается долгое время, прообразуя своими свойствами вечность любви (Бог есть Агапе, такова формула Иоанна Богослова). Если горечь вложить в мед, только тогда получится некоторая антиномия – божественное трезвенное упоение [6, с. 268]. Внести нард в кипр, благоухание в горячность, очистить горячность необходимо для того, чтобы осталось пламенение духом, «усиленная агапе», страсть бесстрастная [6, с. 19]. Через эту антиномию Григорий Нисский хорошо выражает суть развиваемого в аскетике «царского пути», мудрое правило, которое равно воспрещает уклонение как в правую, так и в левую сторону. Понятие страсть бесстрастная находит свое дальнейшее содержательное развитие у Максима Исповедника, который использует его в антропологическом аспекте. Двум сторонам души раздражительной и вожделеющей соответствуют образы любви-агапе и любви-эроса. Преображенный эрос борется с похотью, а христианская агапе – с гневом.

Несмотря на сходство точек зрения Д. Гильдебранда и С. Зарина обратим внимание на различие православной и католической традиций соединения идей эроса и агапе. Его можно проиллюстрировать, во-первых, католическим и православным подходом к мистической любви. Контрастная эротическая пылкость католических мистиков, которая нередко проявляется стигматами, самобичеванием, видениями чужда для традиционного православного следования внутренним, «царским путем». Во-вторых, благодаря православному феномену одновременного переживания Страстной Пятницы и Пасхи под названием радостопечалие [10, с. 117-119].

Как отмечает С. Аверинцев, для западно-христианского искусства характерно подчеркивание контраста, «противопоставление ужасов Распятия и славы Воскресения». В православном сакральном искусстве образы Голгофы представляют «парадокс мистической перспективы, в которой Страстная Пятница и Пасха переживаемы как абсолютно неразделимые грани одной и той же реальности» [1, с. 439]. Это радостопечалие, «тихообразное взгвание» [7, с. 118], двуединство эроса и агапе в любви хорошо характеризует митрополит Антоний Сурожский: «Дело любви: посмотреть на человека и одновременно увидеть в нем его неотъемлемую красоту – и ужаснуться тому, что жизнь сделала из него, совершила над ним. Любовь – это именно и есть крайнее, предельное страдание, боль о том, что человек несовершенен, и одновременно ликование о том, что он так изумительно, неповторимо прекрасен» [2, с. 8].

Или по слову Н. Бердяева, в «эросе» человек поднимается до Бога, в «агапе» Бог нисходит до человека. «Любовь-эрос заключает в себе бесконечное страдание, в ней есть ненасытимость. Любовь-агапе, любовь нисходящая, а не восходящая не за-

ключает в себе бесконечного алкания. Поэтому обе любви должны быть соединены. Иначе не достигается полноты» [3, с. 298, 325].

Выводы. В протестантской философии любви идеи эроса и агапе друг друга взаимоисключают. Причем идея агапе абсолютизируется и вполне раскрывает суть христианской любви, что является спорным метафизическим утверждением с точки зрения католической и православной традиций, так как при этом утрачивается полнота восприятия феномена любви. В патристике идея преображен-

ного эроса и идея христианского агапе составляют единство. В данной синергии католической традиции свойственно контрастные переходы между идеями эроса и агапе, а православной – стремление к уравновешенности двух данных аспектов феномена любви.

Таким образом, полученные результаты, являясь первым приближением к рассматриваемой проблеме, открывают новую перспективу для дальнейших исследований по христианской философии любви.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев, С. Византийский культурный тип и православная духовность: некоторые наблюдения // Поэтика ранневизантийской литературы / Сергей Аверинцев. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – С. 426-444. – (Серия «Academia»).
2. Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Таинство любви. Беседа о христианском браке, изд. 2-е, доп. / Митрополит Антоний Сурожский ; [Отв. ред. А. Блинский]. – СПб. : САТИСЬ, 1999. – 55 с.
3. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека / Н.А.Бердяев; Сост. Л.И. Греков, А. П. Поляков; П. П. Гайденко и др. – М. : Республика, 1993. – С. 254-357.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : В русском переводе с параллельными местами / Российское библейское общество. – Перепеч. с изд. Московской Патриархии. – М. : Российское библейское общество, 1997. – 1376 с.
5. Гильдебранд Д. Метафизика любви / Гильдебранд Дитрих фон ; пер. с нем. А.И. Смирнова. – СПб. : Алетейя ; Ступени, 1999. – 628 с.
6. Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона // Творения святого Григория Нисского. Ч.3. – М. : Типография В.Готье, 1862. – С. 1-408.
7. Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодуховных отец : пер. с греч. : в 4 ч. / аноним. – Репринт. изд. – Тутаев : Православное Братство святых князей Бориса и Глеба, 2000. – 1279 с.
8. Жулай В.І. Любь як соціальна цінність особистості в суспільних відносинах : автореф. дис... канд. філос. наук : спец. 09.00.03 / В.І. Жулай ; Ін-т філос. ім. Г.С. Сковороди НАН України. – Київ, 2004. – 21 с.
9. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению / С.М. Зарин. – [Перепеч. по изд. 1907 г.]. – М. : Паломник, 1996. – XV + 694 + XXXI с.
10. Кураев А. Вызов экуменизма / Диакон Андрей Кураев. – М. : Благовест, 1997. – 238 с.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев ; [худож.-оформ. Б. Ф. Бублик]. – Печ. по изд. 1969 г. – М. : АСТ ; Харьков: Фолио, 2000. – 846 с. – (Серия: «Вершины человеческой мысли»).
12. Сидоров А.И. Комментарии. Главы о любви // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн.1 / Пер., вступ. ст. и коммент. А.И. Сидорова ; Православный Свято-Тихоновский богосл. ин-т. – М. : Мартис, 1993. – С. 265-296. – (Серия: «Святоотеческое наследие»).
13. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / Священник Павел Флоренский. – Репр. изд. 1914 г. – М. : Лепта, 2002. – 814 с.
14. Nygren A. Agape and Eros / Anders Nygren ; transl. by Philip S. Watson. – Philadelphia : The Westminster press, 1953. – 764 p.
15. Osborne C. Eros unveiled. Plato and the God of Love / Catherine Osborne. – Oxford : Clarendon press, 1994. – 246 + XIII p.
16. The Greek New Testament. 2nd edn [Electronic resource] // Thesaurus Linguae Graecae. Key 31 / University of California. – CD ROM (TLG E). – Irvine, 2000. – Reprint.: The Greek New Testament. 2nd edn / Ed. Aland, K. – Stuttgart : Wu+rttemberg Bible Society, 1968.